

© 2003 г.

М. В. РАБЖАЕВА, В. Е. СЕМЕНКОВ

КАКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ У ЖИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА?

РАБЖАЕВА Марина Викторовна - преподаватель факультета социологии Санкт-Петербургского университета. СЕМЕНКОВ Вадим Евгеньевич - кандидат философских наук, доцент указанного университета.

Санкт-Петербург или Ленинград?

Петербуржцы, ленинградцы, питерцы, и рядом - Санкт-Петербург, Петербург, Ленинград, Петроград: являются ли эти самоименования и имена равноценными и равнозначными? Если да, то почему большая часть приезжих и гостей называют город Ленинградом? Не менее важен и второй вопрос: почему ленинградцы "сдали" имя своего города, позволили его переименовать? Сразу оговорим, что для нас это - два разных вопроса. Первый - вопрос наличия социального смысла в именовании города. В то время как переименование - вопрос политической манипуляции того времени, когда страна "проголосовала" за смену режима...

Рассматривая вопрос о причинах упорного отстаивания прежнего названия города (Ленинград) со стороны приезжих, сразу отметим, что дело не в политическом противостоянии Санкт-Петербурга и Ленинграда, которое задавалось и задается извне, а в том, что только имена "Ленинград" и "ленинградцы" имеют одноязычный, явный и внятный социальный смысл, смысловую наполненность. В то время как понятие Санкт-Петербург, петербуржцы, питерцы - проблематичны и проблематизированы. Когда мы говорим: "Санкт-Петербург" - о каком городе речь? О какой временной эпохе? Если сравнить с Москвой, то ее идентичность, конечно же, строилась/осознавалась постепенно, она прерывалась, но эта прерванность осуществлялась в отдаленные от нас эпохи: при Петре I, в революционную эпоху, когда было время на осознание, интерпретации и интеграцию интерпретированных значений в массовое сознание. Существенно, что московская столичная идентичность оставалась неизменной на протяжении последних 70 лет. Эта идентичность как стойкий и стабильный феномен сформировалась к 30-м гг. XX в. (по воспоминаниям москвичей, письмам Шолохова о Москве, фильмам и книгам о Москве становится ясно, что к 30-м гг. - это уже столичный город.)

Факт непрерывности московской идентичности позволял интегрировать и наполнять смыслами выборочные ряды московских символов/фактов как допетровского, так и досоветского времен. Уже из указанного видно, что петербургская и московская идентичности - два разных способа освоения/присвоения города. Московская региональная идентичность и самоназвание жителей этого города не менялись на протяжении веков, в то время как Петербург переименовывался несколько раз, менялось самоназвание жителей города, не говоря уже об особенностях и специфике социальной структуры города и его месте в истории России.

Довоенные лики петербургской идентичности

Чтобы разобраться в этом калейдоскопе именовании жителей и их региональной идентичности, следует обратиться к истории. Петербург строился, осуществлялся и существовал (да и ныне этот изначально заданный импульс жив) как имперский город. Именно этот, державный аспект всегда подчеркивался в истории города и особенно в русской литературе XVIII - начала

XIX вв. [1]. При этом, изначально, ни о какой петербургской региональной идентичности или хотя бы региональной особенности города, речь не шла. Начало осознания/рефлексии особенности Петербурга произошло с середины XIX века, когда в рамках создания массовой литературы и публицистики, вернее социальной беллетристики, происходила рефлексия города как города масс, горожан, плебса, а не аристократии. Начиная с конца 30 - начала 40-х гг. XIX в. в печати появляются статьи - зарисовки, альманахи, сборники, в том числе и знаменитая "Физиология Петербурга" [2], в которых происходила рефлексия повседневности Петербурга и петербургской "непарадной" жизни. Не случайно Некрасова и его соратников обвиняли в намеренном, буквальном "очернении" города: "Неужели в Петербурге... нет прекрасных зданий, изящных вещей, лиц и предметов,... это не физиология Петербурга, а физиология петербургской черни..." [3]. Надо сказать, что в русской литературе еще до "Физиологии Петербурга" существовали тексты, указывавшие на эту тему разрыва массового, маленького человека и имперского города ("Медный всадник" и "Пиковая дама" А. Пушкина, "Невский проспект" Н. Гоголя и др.), но только с 40-х гг., после некрасовского сборника появляются тексты, сфокусированные на жизни петербургских горожан: "Петербургские вершины" Я. Буткова, "Обыкновенная история" И. Гончарова, "Бедные люди", "Преступление и наказание" Ф. Достоевского и другие. Этот небольшой экскурс в историю литературы нам очень важен для понимания темы петербуржества [4].

Итак, к концу XIX века сформировались, вернее явно отрефлексиrowались в массовом сознании два лика Петербурга: Петербург как город изначально державный, парадно-имперский, и Петербург как массовый город, где горожане "зажаты" имперскою и роскошью, парадностью.

В 20-е гг. XX века Н.П. Анциферов ставит задачу осознания особенности города, его *genius loci*, через "...пристальный, анализирующий и синтезирующий взгляд..." [5]. Необходимость выработки целостного взгляда на город вызвана практической задачей, стоявшей перед Н.П. Анциферовым: создание экскурсионного дела [6] в послереволюционном Петрограде и налаживание экскурсий, доступных учащимся и пролетарским массам города. Для Н.П. Анциферова важно определить город, его место в культуре и истории России, вопросы же идентичности горожан - жителей Петербурга его не волнуют. Примечательно, что Н.П. Анциферов (1889-1958) всегда считал себя "петербуржцем" [7], а не питерцем и не ленинградцем.

Досоветская петербуржская идентичность, как и идентичность любого крупного города Российской империи, была разнородной и разновременной, только многократно увеличенной в силу столичности города. Петербурговед Н. Синдаловский иллюстрирует эту ситуацию цитатой из повести Л. Борисова "Волшебник из Гель-Гью": "Был поздний холодный вечер... Питеряне в этот час ужинали, петербуржцы сидели в театрах, жители Санкт-Петербурга собирались на балы и рауты..." [8]. В этой цитате социальная стратификация жителей города проиллюстрирована наглядно: "питеряне" или питерцы - пролетариат и пролетаризированный горожанин; "петербуржцы" - интеллектуальная элита и интеллигент; "жители Санкт-Петербурга" - столичная светская элита и сопутствующая ей тусовка. После переименования в Петроград (1914-1924) имя города наполнялось новыми смыслами, а затем и памятью революции и победившего пролетариата. Причем, разведение понятий "петербуржец" и "питерец" ("петроградец") становилось еще рельефнее, четче, осознаваемо и осознанно социальным. "Петербургцы" - те, кто принадлежал или относил/соотносил себя с потерянной элитарной культурой Российской империи. "Питерцы" - те, кто соотносил себя с массовым горожанином, пролетарием и пролетаризированным слоем.

В послереволюционном Петрограде петербуржцами стали считать(ся) всех "бывших", вне зависимости от их реальной принадлежности к интеллектуальной элите Российской империи, в то время как питерцами - пролетариев и всех пролетаризированных горожан. Понятие питерцы поддерживалось идеологически и имело вполне внятный смысл: питерцы, конечно же - жители города, но конкретнее - это рабочие знаменитых питерских заводов. И именование города - Петроград вполне внятно коррелировало с индустриальным ресурсом, рассматривавшимся партийными идеологами как главный ресурс города. Они же девальвировали ресурс (петербургской) культуры как "надстроечный", "несерьезный", требующий если не замены на новую (пролетарскую) культуру, то ограничения в своих амбициях. Переименование города в Ленинград несколько сняло и смягчило эту изначальную раздвоенность и противопоставленность символов и самоименований Петрограда.

Блокада и новая идентичность

Доблокадный Ленинград был городом социально не однородным, своего рода анклавом для не интегрированных советским режимом "обломков" российской империи. И петербургская, и питерская идентичности постепенно утрачивались, выветривались под напором миграций и посте-

пенной интеграцией "бывших". Но ее окончательному "выведению" способствовала блокада, которая "спаяла" социальную структуру города.

Тут стоит уточнить: питерская (идентичность пролетарская и пролетаризированных "низов" города, поддерживаемая советской идеологией) и петербургская (как элитарная, вернее претендующая на элитарность) идентичности в силу их классово-враждебности были явными признаками социальных групп ленинградских горожан в доблокадное время. После же блокады и войны эти внешние черты изначально "чуждых" социальных групп перестали восприниматься горожанами враждебно и настороженно. Имела место социальная терпимость к внешним признакам маркировки имперских сословных групп и их "обломков". Дело в том, что в довоенное/доблокадное время именно сословная идентичность была одним из самых высоких социальных барьеров в обществе, в отличие от возрастной, тендерной, национальной и иных видов идентичностей (понятно, что в разные моменты жизни социума актуализируются разные виды идентичностей). Эти социальные барьеры между остатками/обломками социальных сословий российской империи были частью идеологического и социального проекта советского пролетарского государства, когда "бывшие" поражались в правах, ограничивались в доступе к образованию, к работе, подвергались фрустрации. После войны, в целом в стране, эти социальные барьеры были сняты; одновременно, общий военный опыт, а затем опыт победы, способствовали уменьшению враждебности к "бывшим". В Ленинграде же блокадный опыт, как особый опыт коллективной жизни в экстремальных условиях способствовал увеличению эмпатии горожан друг к другу.

Внешне сторонними наблюдателями (приезжими, гостями города) эта терпимость и эмпатия воспринимались как особенность региональной идентичности ленинградцев: чопорность, церемонная вежливость в сочетании с приветливостью и почти гротескной готовностью прийти на помощь... Так мы выходим на тему блокады при разговоре об идентичности наших горожан.

Представляется верным замечание историка А.Р. Дзенцкевича о том, что "блокадный опыт для истории нашего города мало осмыслен" [9], и тем более мало осмыслены и мало известны последствия блокады на социальную структуру Ленинграда в послевоенный период. Блокада - тот социальный опыт, который "спаял" горожан, когда не стало "ни эллина, ни иудея", все стали едины - ленинградцы. В социальной структуре довоенного города выделялся высокий процент неработающего населения - прежде всего "бывших". По данным о выдаче продовольственных карточек в течение осени 1941-весны 1942 г. (вплоть до массовой эвакуации летом 1942 г.) иждивенцы составляли 31-32% (дети в эту группу не входят, дети до 12 лет составляли около 20%) [10].

В блокаду, в силу страшных событий размеренно-равномерно обеспеченного голода и равной для всех (кроме власти и столовской, а также иной obsługi) удаленности от пищевых ресурсов, произошло уравнивание горожан, когда интеллектуалы и промышленный пролетариат, молодые и старые, богатые и бедные, "бывшие" и нынешние, - все оказались равны перед травмой города, который "приобрел всеобщую социальную значимость и значительность, оплаченную страшным опытом зимы" [11]. Опыт жизни в блокадном и блокированном городе, опыт выживания, взаимопомощи, обороны и восстановления города - весь тот опыт социального

В рассказе "Двенадцать палочек" Л. Матвеева рассказывает об осознании главной героиней, девочкой Симой общности социального опыта войны и блокады для разных социальных слоев: заводских рабочих и иных-"богатых", тех, кто приглашает домработницу, чьи дети вежливы и одеты "в бархатные штаны с пуговицей под коленкой", а гости изысканно-нарядны и красивы легкой походкой, голосом, одеждой. В начале рассказа про Димку, сына "иных" в довоенное время сказано: "Димка был не такой, как другие, а это не прошло..." , а в конце рассказа Сима силится понять логику неэкономии физических усилий Диминой бабушки, которая в блокадном городе, питаясь, как и все, мороженой картошкой, садится обедать за стол с белой скатертью и серебряными столовыми приборами, в нарядном платье. Хрустальная начищенная люстра, серебро приборов, тяжесть дорогих сервизных тарелок и хрупкость "тонких, как яичная скорлупа, чашек" диссонируют с мелкими бурями картофелинами, политыми горьковатым хлопковым маслом, составлявшими весь обед, и кипятком, налитым в изящные чайные чашки. Соседка "из своих", заводских, объясняет Симе: "Это до войны они богатые были, а сейчас дело другое" (Матвеева Л. Двенадцать палочек. М.: "Детская литература", 1975. С. 121). Эта соседка признает право иных быть непохожими, иметь другой, отличный от пролетарского образ повседневной жизни, в ней уже нет враждебности и подозрительности к "бывшим", как это было до войны. В этом рассказе ярко отражены не только общие для всех социальных слоев реалии блокадного быта, но и показаны процессы интеграции "обломков" социальных структур Российской империи, которые связаны с процессами усвоения/освоения/присвоения "фабрично-заводскими" социальных норм повседневности "иных" и "бывших", которых отличает спокойствие и уважение к себе и окружающим.

единения способствовал осознанию и созданию единой региональной идентичности ленинградцев. Лидия Гинзбург, описывая разговоры случайно собравшихся людей, прячущихся от обстрела в парадной ленинградского дома на набережной в начале лета 1942 г., указывала на состояние общности совершенно разных людей: "...все столпившиеся здесь люди... повинуюсь средней норме поведения, выполняют свою историческую функцию *ленинградцев*" (курсив Л. Гинзбург) [12]. Идентичность ленинградцев основывалась на общности пережитого опыта жизни и выживания в блокадном городе, на общности опыта усвоенных и выработанных в блокаду социальных норм и практик повседневного поведения, отношения к пище и еде, к социальным запретам, к себе и окружающим. К этому социальному опыту невозможно приобщиться, его можно только унаследовать или пережить (хотя бы в детстве, в утробе или в фолликулах, тут ведь важна не генетика, а осознание биологической преемственности социального опыта родителей).

Ленинградская региональная идентичность формировалась в ходе блокадных практик, в ходе коллективного преодоления отчуждения городских ресурсов от горожан. Речь идет о том, что в ходе блокады горожане были отчуждены от целого ряда важнейших институтов повседневной жизни горожанина: транспорт, коммуникация, водопровод, канализация, электричество, телефон, системы снабжения продуктами питания, - но это не привело к разрушению социальной жизни, к аномии.

Ленинградцы как социальная общность с единой региональной идентичностью сформировались уже после войны, в 50-е гг., когда произошло осмысление общего социального опыта блокадников, истории города и его горожан. Не случайно именно в начале 1957 г. был заново открыт Музей обороны Ленинграда (закрытый в 1949 г.). Этот Музей начал свою работу с выставки "Трофейного оружия" в апреле 1944 г., на которой кроме оружия были представлены состав блокадного хлеба, макеты булочных, картины и т.д. [13]. В этот музей горожане в массовом порядке приносили вещи, разные экспонаты, они хотели зафиксировать блокаду как значимое событие в их жизни и в жизни города. Блокада была травмой, которую ленинградцы хотели зафиксировать для себя и своих потомков, ибо именно они и **только они** стали ленинградцами.

"Дух города" и региональная идентичность

Петербургский социолог Наталья Дмитриевская верно указывает на утрату "духа города" к концу 60-х [14]. Но дело не в утрате *genius loci* Петербурга, а в том, что к концу 60-х ясно стала видна новая, только сформировавшаяся идентичность ленинградцев, отличная от идентичности петербуржцев и питерцев. Речь идет о том, что в 60-е гг. отчетливо проявилась и стала очевидной новая яркая ленинградская идентичность, в то время как прежняя, питерская и петербургская части идентичности горожан "растворилась", "потеряла" самостоятельность и самозначимость.

Целесообразно различать понятия *genius loci* и понятие региональной идентичности. *Genius loci* на региональную идентичность не влияет, иначе мы будем вынуждены "признать наличие *genius loci* во всех местностях, где сформирована региональная идентичность, к примеру, в Воронеже или в Саратове" [15]. И наоборот, *genius loci* присутствует в местностях, где никакой региональной идентичности нет, в силу того, что там нет массы местных жителей. К примеру, Кизи, Плес, Старая Ладога, - где несомненно наличествуют пространственно-архитектурная среда, климат, природные условия, особая аура, легенды, мифология, но нет никакой региональной идентичности, так как *genius loci* не воспроизводит социальные отношения и тип людей. Региональная городская идентичность рассматривается нами как общность унаследованного и разделенного опыта, дискурсивно структурирующего и нормирующего социальные практики, традиции и ценности. Не всякий город имеет свою идентичность: чтобы ее иметь, надо проделать какой-то опыт, как минимум осмыслить свою (городскую) историю и соотнести ее с историей региона, страны, мира. Такое осмысление вызывает наделение смыслами фактов истории. Указанное наделение смыслами может сопровождаться мифологизацией, а может и нет. Это хорошо показано в коллективной работе "Политика и культура в российской провинции" на примере Новгородской, Воронежской, Саратовской, Свердловской областей. Как считают ее авторы, "региональная идентичность складывается не у всех городов и не имеет прямой связи с осознанием пути развития региона сообществом" [16].

Современная петербургская же идентичность не воспринимается как особо проблематизированная, так как предполагается, что она органично "усвоила" унаследовала ленинградскую идентичность, переняла ее, получила вместе с территорией города и ее населением. В под-

тверждение этого социологи иногда указывают на наличие сформировавшегося мнения по поводу возможных путей развития Санкт-Петербурга, выявленного в ходе опросов [17]. Однако наличие сформировавшегося мнения по поводу города еще не является показателем сформировавшейся идентичности, да и выводы в таких исследованиях не всегда корректны**. Наличие у горожан точек зрения по тем или иным вопросам социальной жизни города и горожан еще не означает наличия у этих горожан региональной городской идентичности.

Ленинградская региональная идентичность практически не осмыслялась горожанами-интеллектуалами. Отчасти этому мешал сильный идеологический пресс, отчасти ситуация в интеллектуальной среде города. Тот факт, что не происходила интеллектуальная рефлексия ленинградской региональной идентичности, а значит и не происходило ее осмысление в массе горожан, привел к тому, что реально существовавшая (и существующая!) ленинградская идентичность, основанная на социальной общности блокадников, "наложилась" на существовавшую на протяжении всей советской власти петербургскую идентичность. Идентичность ленинградцев не распространялась на мигрантов, при всей терпимости и эмпатии ленинградцев, а идентичность петербуржества была как минимум враждебна мигрантам, так как подавляющее большинство из них было ангажировано только индустриальным ресурсом города. С учетом вышесказанного справедливым видится замечание Н. Дмитриевской о том, что всем мигрантам, во все времена в Петербурге уготована участь маргиналов [18]. А мигрантов в советский период истории нашего города становилось все больше...

Шагреневая кожа ленинградской идентичности

Петербургские социологи М. Илле и Н. Ядов в своей работе "Петербургцы. Откуда мы родом?" указали на малозвестный и отторгаемый массовым сознанием факт отнесения большинства мигрантов к коренным жителям Петербурга во все исторические эпохи. "Родословная большинства горожан не может иметь глубоко питерских корней по причине молодости города и роста его населения во все века в основном за счет миграции, а не прироста населения" [19]. В связи с этим уместно развести понятия "горожанин" и "житель города": не каждый житель города является горожанином. Горожанин - это социальный тип, сформировавшийся в результате оппозиции города и деревни, в то время как житель города далеко не всегда является продуктом этого противопоставления. В результате ускоренной индустриализации, осуществлявшейся в советское время, в Ленинград приезжало много выходцев из деревень, не становившихся, и не ставших, горожанами. Это были просто жители города Ленинграда, ничем не отличавшиеся от жителей других индустриальных городов. Именно этот контингент имеют в виду, когда говорят о чуждости мигрантов петербуржеству и Петербургу, и об их, якобы, неискоренимой и непреодолимой маргинальности [20].

Разговор о чуждости мигрантов петербуржеству и Петербургу связан с наложением двух мифологем и идентичностей: элитарного петербуржества, о котором писалось выше, и ленинградской идентичности, появившейся/проявившейся после войны и блокады. Идентичность ленинградцев, став принципиально непередаваемым социальным опытом переживших блокаду, а значит, и невоспроизводимой/нетиражируемой/нерасширяемой региональной идентичностью, была подобна шагреневой коже - эта идентичность сжималась со временем, т.к. мигранты (любые!) ею уже не наделялись. Ленинградская идентичность включала/интегрировала потомков блокадного Ленинграда, но игнорировала, а чаще отторгала и отторгает(!) приезжих петербургских жителей (не блокадников).

Так, например, социолог В. Ревтова пишет о том, что из опрошенных 1500 человек лишь 1,3% не могут высказать своего мнения по поводу пути развития города, и тут же делает вывод: "А это значит, что мы можем говорить об общественном интересе к теме развития Петербурга"! Однако на основе этих данных мы не можем судить о наличии общественного интереса к теме развития Петербурга, ибо это суждение основано на формальной логической ошибке: с таким же успехом мы можем опросить 1500 человек на предмет их отношения в перспективам Покемона в Санкт-Петербурге, а получив какой-то % не знающих о том, кто есть Покемон, или не желающих говорить на эту тему, сделать вывод о том, существует ли общественный интерес к Покемону в современном Петербурге (ибо не знающих о Покемонах гораздо меньше, чем знающих, а значит могущих высказаться по этому поводу)... (В. Ревтова. Какой город нам нужен? // Телескоп. 2002. № 2. С. 33).

Что касается мигрантов, то они независимо от места исхода, национальности и других социальных "параметров", в силу выбранного образа жизни в Ленинграде, проецировали на себя петербургскую идентичность, как оппозиционную и элитарную идентичность петербуржцев. В ней сочетались оппозиции массовой культуре, советскому официозу, пролетарской идеологии и т.д. Эта "оппозиционная" петербургская идентичность была толерантна к мигрантам и включала в себя как питерских Бродского, Довлатова, Гребенщикова, так и мигрировавших в город Науменко, Цоя, "Митьков", жителей Костромы или Африки... Миф петербуржества и Петербурга, столь пышно расцветший в позднесоветское время, создавался все годы советской власти усилиями поэтов и интеллектуалов, противостоящих и противопоставлявших себя официальной культуре и идеологии сначала пролетарского, а затем советского государства. Это был очень важный для российских, и прежде всего ленинградских, интеллектуалов проект противопоставления, отграничения от пролетарского, а затем советского официоза. В этом проекте была важна его онтологическая апелляция к утраченной, ушедшей России.

Л. Лурье замечает, что от Ахматовой, Оцуа, Агнивцева с их "блистательным Санкт-Петербургом, городом сладчайшего сна..." до Бродского и Митьков петербургский миф "становится ядром петербургского регионализма" [21]. Петербургский регионализм конструировался как элитарно-оппозиционный проект, поэтому он мог включать в себя и полупрофессиональных художников, и маргинальных поэтов, и рок-музыкантов, и "кружок синергетиков" при ЛГУ, и новых православных или либеральных диссидентов. В этом проекте главным становился синтез традиций петербуржества как элитарности на грани снобизма, с собственными вариантами оппозиционности советскому: режиму ли, изобразительному и/или массовому искусству и культуре, музыке, и т.д.

Неслучайно именно в позднесоветском Ленинграде, а затем и в постсоветском Санкт-Петербурге культивируются "дендизм" [22] и салоны, как закрытые неформальные элитарные объединения художников, интеллектуалов и разного рода "тусовщиков". Основными характеристиками этой салонной культуры являлись/являются снобизм, закрытость, где элитарность смыкается с маргинальностью в роскошных и (зачастую) одновременно ободранных петербургских интерьерах и сквотах [23].

Петербургская идентичность развивалась интеллектуалами как элитарный проект. Ленинградская идентичность формировалась как массовая идентичность всех тех, кто пережил блокаду. Проект этот, как мы сказали выше, очерчивал общность, войти в которую можно было только "генеалогически" - стать потомком блокадника. В то время как петербургская идентичность, будучи элитарной по духу, претензиям и статусу, была демократична и открыта к любого рода мигрантам. Показательно, что по данным исследования М. Илле и Н. Ядова в структуре мигрантов произошли существенные изменения: в последнее время мигрирует в Петербург в основном городское население, в то время как среди мигрантов в возрасте 50 лет и старше преобладают сельские [24]. Это говорит о том, что в 40-50 гг. в Ленинград приезжало в основном сельское население, а в последние десятилетия мигранты - приезжие из городов. Эти мигранты, часто ангажированные именно культурным ресурсом города, стремились стать горожанами уже хотя бы потому, что приехали в город Ленинград из других городов. Однако вышеуказанная специфика ленинградской идентичности отторгала их. Безусловно, миграция из одного крупного города в другой крупный город - это часть общемировой тенденции изменения состава мигрантов, но нам важно, что к концу 80-х годов ленинградская идентичность утратила свою значимость для полярно разных групп городского населения. Как для мигрантов, не ставших горожанами, так и для мигрантов, "примеривших", спроецировавших на себя петербуржество и петербургскую идентичность, ленинградская идентичность была чужой, чуждой, не важной, а иногда и враждебной.

Феномен сжимающейся идентичности ленинградцев и все большее количество мигрантов позволили состояться переименованию города в 1991 году. Дискуссия о переименовании Ленинграда осуществлялась по преимуществу как сугубо политическая. Согласно советской идеологии у названия "Ленинград" было устойчивое коннотативное значение: имя города связано с именем Ленина. Это, однако, совсем не очевидно. Корректнее говорить о том, что данная коннотация отсылает к советскому прошлому, но не к фигуре Ленина. А это прошлое очень многообразно, и поэтому здесь имеет место многообразие коннотативных значений. Это и город трех революций, и город, переживший блокаду, и город с особым типом культуры, и родина советского рока и т.д. Актуальный смысл слова определяется его функционированием в коннотативных контекстах в данном языковом сообществе, значением, разделяющим современное сообщество, и поэтому надо смотреть, какой смысл разделяет современное сообщество. А этих смыслов, повторяем, было очень много, и совсем не факт, что доминировал официальный

смысл: город Ленина*. Однако, когда шла дискуссия о переименовании города, то общественному мнению со стороны КПСС были предложены устойчивые коннотации, связанные именно с именем Ленина, а интеллектуалы города оказались к этой дискуссии не готовы. Эта неготовность выразилась в согласии признать ленинскую и революционную этимологию имени "Ленинград" его единственной или важнейшей коннотацией. А голоса тех, кто слышал в этом названии отзвук блокадного опыта или еще чего-то, были уже не слышны. Политическая ангажированность имени "Ленинград" была неопределенна, вернее менее определена, чем ее подавали и коммунисты, и демократы. Но обе стороны сделали проблему имени сугубо политической, и тут фактор преобладания мигрантов над коренными ленинградцами сыграл свою роль.

Ленинградская идентичность была намеренно дискредитирована как революционно-ленинская и как советская, при этом социальный опыт консолидации и преодоления отчуждения и сословности в блокадном городе был предан забвению. Петербургская идентичность как бы "перетянула", включила, интегрировала идентичность ленинградскую, но социальный опыт ленинградской идентичности не был ни усвоен, ни актуализирован...

Петербургская идентичность: каковы перспективы?

Петербургская идентичность выстраивалась как идентичность интеллектуалов, тяготеющих к ушедшей элитарной культуре российской империи, и одновременно противопоставлявшая себя официальной и официозной культуре советской страны. И сегодня, когда некому противопоставлять свою петербургскость, так как нет уже советской страны и КПСС, эта идентичность "провисает", не осуществляется. Новую идентичность трудно сформировать, во-первых, из-за невозможности унаследовать и разделить опыт блокадного единства приезжими жителями Санкт-Петербурга, и, во-вторых, из-за непривлекательности, "недемократичности", элитарности "петербургства" для мигрантов в век публичной демократии и массовой культуры. Показательно, что попасть в элитные круги Москвы легче, чем в аналогичные среды Санкт-Петербурга, а сфера публичности в Санкт-Петербурге менее интенсивна, чем в Москве [25].

Новой петербургской идентичности пока нет, чтобы ее иметь, надо проделать какой-то опыт, как минимум осмыслить свою общность (а ее еще нужно иметь!), соотнести себя с иными общностями, регионами и странами. Предстоящий юбилей города в принципе дает такой шанс, но, скорее, это дело более отдаленного будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Петербург в русской поэзии (XVII - начало XX в.): Поэтическая антология. Л., 1988.
2. Сборник "Физиология Петербурга. Составленный из трудов русских литераторов, под редакцией Н. Некрасова (с политипажами)" был издан в 1845 г. в Петербурге.
3. Цит. по: *Недзвецкий В.А.* Манифест социальной беллетристики // Физиология Петербурга. М.: "Советская Россия", 1984. С. 16-17.
4. Сборник "Физиология Петербурга" открывается очерком В. Белинского "Петербург и Москва".
5. *Анциферов Н.П.* "Непостижимый город..." Душа Петербурга. СПб.: Лениздат, 1991. С. 33.
6. Н.П. Анциферов активно сотрудничает с краеведческим обществом "Старый Петербург", музейным отделом Петрогубполитпросвета, а позже работает в Петроградском научно-исследовательском экскурсионном институте, ЦБК. См.: *Конечный А.М., Кумпанский К.А.* Петербург в жизни и трудах Н.П. Анциферова // *Анциферов Н.П.* "Непостижимый город..." Душа Петербурга. СПб.: Лениздат, 1991. С. 12-14.
7. Там же. С. 23.
8. *Синдаловский Н.А.* Легенды и мифы Санкт-Петербурга. СПб.: Фонд "Ленинградская галерея", 1994. С. 147.
9. *Дзенискевич А.Р.* Блокада и политика. Оборона Ленинграда в политической конъюнктуре. СПб.: Нестор, 1998. С. 7-12.

---

*Показательны слова барда Александра Городничкого: "Слово "Ленинград" было для меня третьим после "мама" и "папа". Про дедушку Ленина я узнал значительно позднее и в сердце своем эти слова не связываю" *И.А. Городничкий.* "Ленинградец - это национальность". "Курьер", № 32, 15-21 августа 2002.

10. *Черепенина Н.Ю.* Голод и смерть в блокированном городе // Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. СПб.: "Дмитрий Буланин", 2001. С. 45.
11. *Гинзбург Л.* Записки блокадного человека // *Она же.* Человек за письменным столом. Эссе. Л.: Советский писатель, 1989. С. 550.
12. Там же. С. 559.
13. *Солсбери Г.* 900 дней. СПб., М.: "Прогресс" - "Литера", 1993. С. 593.
14. *Дмитриевская Н.* Санкт-Петербург: в поисках горожанина // Телескоп: наблюдения над повседневной жизнью петербуржцев. 2001. № 3. С. 7.
15. См. об этом "Политика и культура в российской провинции. Новгородская, Воронежская, Саратовская, Свердловская области". Под редакцией С. Рыженкова, Г. Люхтерхандт-Михалевой (при участии А. Кузьмина). Москва - Санкт-Петербург, Международный институт гуманитарно-политических исследований. 2001.
16. Политика и культура в российской провинции... С. 211.
17. См., к примеру, коллективную работу "Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации". СПб.: Алетейя, 2001, С. 286.
18. *Дмитриевская Н.* Санкт-Петербург: в поисках горожанина. С. 6.
19. *Илле М., Ядов Н.* Петербуржцы. Откуда мы родом? // Телескоп. 2002. № 1. С. 9.
20. *Дмитриевская Н.* Санкт-Петербург: в поисках горожанина. С. 6.
21. *Лурье Л.* Пять мифов Петербурга // Неофициальная столица. СПб.: Издательство "GIF", 2000. С. 9.
22. *Куксенайте И.* Дендизм в конце XX века в Петербурге // Неофициальная столица. С. 47-49.
23. См.: *Корзухин А.* Петербургские салоны // Неофициальная столица. С. 34-35.
24. *Илле М., Ядов Н.* Петербуржцы. Откуда мы родом? С. 11-12.
25. О замкнутости петербургских элит см. работу *Протасенко Т.З., Ревтова В.Г.* Петербург - Москва: Противостояние или партнерство? // Телескоп: Наблюдения над повседневной жизнью петербуржцев. 2000. № 3; о неинтенсивном и малом публичном пространстве Петербурга см. работу *Дамберг С.В., Семенов В.Е.* Провинциальный Санкт-Петербург: символическое пространство в мире искусства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 3.